

03.02.
(март)

Гос. муз. газет. 2002.
№ 3 - с. 4

Покровский Б. А.

Находясь в эмиграции, некоторые ведут образ жизни, напоминающий длительную командировку. Они продолжают дело, которому служили в России. Наверное, таков и "клан" братьев Левиновских, живущих в Нью-Йорке. Владимир, Николай, Сергей Левиновские десятилетиями были связаны с Россией и ее музыкальной культурой. Старший брат, Анатолий Левиновский, оставшийся в России, в течение четверти века был худруком Саратовской филармонии, Владимир Левиновский - известный режиссер музыкального театра. Николай Левиновский известен как композитор и создатель джазового ансамбля "Аллегро", самый младший, Сергей - джазовый музыкант. Отец их - родоначальник музыкального клана Я.Н. Левиновский - в течение трех десятилетий был ведущим солистом оперы Саратовского театра. В ноябре Владимир Яковлевич Левиновский отметил свое 75-летие. К юбилею он закончил книгу о Б.В. Асафьеве, которую посвятил создателю Камерного музыкального театра Б.А. Покровскому.

- С чем пожаловали к юбилею? Повод для диалога через океан - достаточный.

- Свой юбилей я встретил в театре "Миллениум" с концертмейстером Большого театра Лией Могилевской. Для ее очередного проекта я поставил несколько фрагментов из "Трубадура" Верди. Я был рад своему "возвращению" в оперу. Квартира Могилевской на берегу Атлантики превращена в Оперную студию. Голоса ее молодых артистов потрясающие. В марте некоторые из них будут прослушиваться в Метрополитен-Опере. Она продолжает знакомить американскую публику с творчеством Стравинского, Шостаковича, русской оперной

классикой. В Малом зале Карнеги Холла она провела американскую премьеру "Из еврейской народной поэзии" Шостаковича. Недавно Манашир Якубов прислал ей новое издание "Антиформалистического райка". Есть желание поставить эту "криминальную" оперу Шостаковича вместе с циклом "Из еврейской народной поэзии". Я не случайно заговорил о Могилевской, которая в течение трех десятилетий была неизменным участником всех постановок Покровского в Большом театре. В ее лице сегодня в США представлена режиссерская "школа" Б.А. Покровского. Она потрясающий концертмейстер и ее питомцы не просто "поют", но драматически интонируют.

- В январе Россия отметила 90-летие со дня рождения режиссера и 30-летие его Камерного музыкального театра.

- Мировой театр не знал такого долголетья в режиссуре. Он - гениальный дешифровщик действенного и психологического содержания музыкальной драматургии.

- Вы закончили книгу о "неизвестном Асафьеве". Какова главная цель предстоящего издания?

- Книга "Неизвестный Б.В. Асафьев: театр, ставший музыкой" - это малоизученный Асафьев, взятый в соотношении с его новаторскими взглядами на природу оперного искусства. Неизвестный Асафьев - это Асафьев театральный, творчество которого впервые берется во взаимоотношении с театром. Каким образом скромный концертмейстер балетного класса Мариинского театра в Петербурге стал непререкаемым авторитетом в области оперно-балетного искусства? Он первым переосмыслил условную природу оперы, указав на ее особую театральность. Он гениальным образом перенес принципы психологического ана-

лиза, открытые в МХТ, в анализ музыкальной драматургии оперы, открыл принцип контрапунктного взаимодействия между музыкой и действием. Рядом с именами Станиславского, Шаяпина "на равных" встает фигура реформатора Асафьева. Принцип "музыка оперы - музыка действия", который сформулировал Покровский - из асафьевского родника. Поэтому книга посвящается великому режиссеру.

- Что значит "неизвестный" применительно к широкоизвестному академику Асафьеву?

- Прежде всего - это первая попытка музыкального режиссера (не музыковеда!) составить жизнеописание и реконструировать роман жизни "нового", неисканного Асафьева. В книге объемом почти в сорок печатных листов разворачивается то, что до сего дня оставалось вне поля зрения асафьеведения. Само название глав книги указывает на это: "Игорь Глебов", "С Мейерхольдом", "Вокруг Вагнера", "В "зоне" молчания", "В плену Терпсихоры", "Дни с Булаковым", "Путешествие из Петербурга в Москву", "Интонация вздоха", "Возвращение к Станиславскому", "Конфликт после смерти". Вместе с тем книга должна привлечь внимание российского музыковедения к необходимости восстановить в правах принцип историзма, которым нередко пренебрегают западные исследователи русской музыки. Создается ситуация, при которой инициатива в исследовании русской музыки "советского периода" закрепились за европейскими музыковедами. Книги русских музыковедов "перерабатываются", на концептуальном уровне ассимилируются западными музыковедами, слабеваются "актуальным" политическим контекстом, на который так падки читатели на Западе,

и превращаются в товар, который реализуется на книжном рынке. В исследовании российских и зарубежных музыковедов нарастает тенденция замалчивания имени Асафьева или стремление подчеркнуть ущербность облика великого музыкального мыслителя, якобы восседавшего в ложе советского конформизма. С большим запозданием русские исследователи показали из какой гремучей смеси и при каких обстоятельствах состоялась посмертная публикация "Свидетельства" Шостаковича, в которой Асафьев объявлен "цинником" и подвергнут уничтожающей критике. Интерпретируя "поведение" Асафьева, который якобы "публично отрекся" от Шостаковича, К. Мейер в своей широко известной на Западе монографии прямо режет "правдую" об Асафьеве: "Под конец жизни, чтобы не противоречить тогдашней культурной политике властей, ученый, которому перевалило за шестьдесят, публично отрекся от своих убеждений, поставил под вопрос ценность музыки Шостаковича, подверг критике Прокофьева, заклеил Шёнберга, Кшенека и Хиндемита, а так же объявил огромной ошибкой публикацию собственной "Книги о Стравинском". В этой характеристике нет ни одного слова правды! Лоурел Фей заявляет о предательской роли, которую сыграл Асафьев на Первом съезде Союза композиторов в апреле 1948 года, когда он употребил свой значительный авторитет для поддержки преследований советских композиторов и за это был избран Председателем Союза композиторов. Автора извиняет то, что через пять лет после этой публикации она выступила с самоопровержением, проведя блестящий текстологический анализ "Свидетельства".

Но самой примечательной в ряду западных публикаций о Шостаковиче явилась монография "Переосмысления Шостаковича" Аллана Хо и Дмитрия Феофанова. Этот англо-русский дуэт из Southern Illinois University вышел на "передовую", защищая фальсифицированного Шостаковича. Надо отдать должное авторам: они точно определили содержание отзывов Шостаковича об Асафьеве как "издевательство" (Syostakovich's mockery of Asafiev), воздержавшись от комментария по поводу спорности суждений автора "Свидетельства". Я затронул только один из многих аспектов жизнеописания Асафьева. Дальнейшее замалчивание ситуации, сложившейся вокруг двух гениев русской музыки, наносит серьезный ущерб русской культуре.

- Какие у вас дальнейшие планы?

- Издание книги об Асафьеве. Книга о России и писалась для России. В свой прошлый приезд в Россию я навещал Б.А. Покровского. Узнав про книгу об Асафьеве, он бросил сакраментальную фразу: "А разве это сегодня кому-нибудь нужно?" Он - мудрый человек... Мои дальнейшие планы связаны с Покровским. Речь идет о книге "В Московском Камерном музыкальном театре". В ее основе - мой документальный дневник, который я вел, работая в КМТ. За этим последуют "Педагогические диалоги". Это запись бесед Покровского на уроках музыкальной режиссуры со студентами его режиссерского курса в ГИТИСе в 1949-1954 годах. Это "монологи" и "диалоги" 37-летнего Покровского со своими студентами о природе оперного искусства. Пришло время познакомиться с этими сюжетами "племени младое, незнакомое..."

Ц. Борин